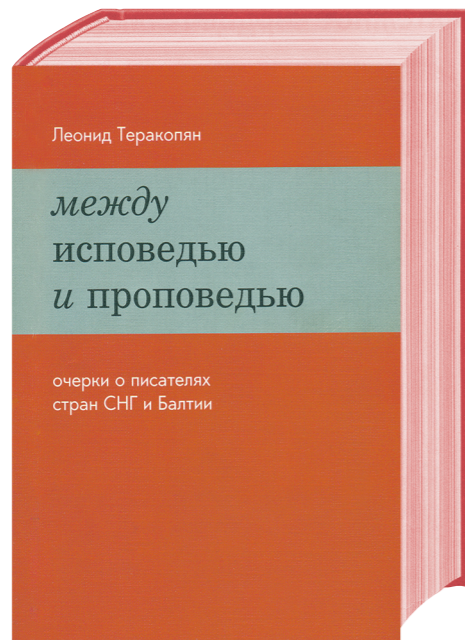

Связующая нить

Леонид Теракопян. Между исповедью и проповедью.

Очерки о писателях стран СНГ и Балтии

Как нужны нам сегодня такие книги! Объединяющие. Мудрые. Гуманные. Известный литературный критик Леонид Теракопян (1935 – 2011) совершил, кажется, невозможное по нынешним временам: попытался воссоздать утраченную мозаику литературы России, стран СНГ и Балтии. В его последней книге собраны очерки-размышления о проблемах взаимодействия и взаимообогащения братских литератур. Наряду с очерками о признанных, широко известных мастерах прозы, речь идёт и о писателях, дебютировавших на страницах периодических изданий в последние годы. Книга построена на сочетании мемуарных глав с эпизодами личных встреч с писателями-классиками: С. Баруздиным, С. Залыгиным, А. Адамовичем, В. Быковым, Г. Матевосяном, А. Нурпеисовым. В книге два раздела: цикл «Послесловия» и «Фрагменты панорамы». К масштабному, «панорамному» зрению стремится автор: его очерки – живая летопись, умные и психологически выверенные наблюдения с массой увлекательнейших деталей, подробностей, которые не оставляют читателя равнодушным. Это касается большин-

ства очерков книги, но особенно – воспоминаний о Баруздине и Залыгине, о двух главных редакторах всемирно известных журналов «Дружба народов» и

«Новый мир». Только сейчас, по прошествии времени, понимаешь, что это были не только замечательные мастера слова, но крупные личности, общественные деятели, которые умело проводили свои «корабли» между политическими и литературными непогодами к одной единственной цели – к открытию новых талантов многонациональной российской литературы, к воспитанию духовности, а не к распрям и склокам, как повелось ныне. Они были созидателями, а не разрушителями «литпроцесса». Помимо зарисовок с натуры, автор ставит перед читателем злободневные вопросы – проблемы межнациональные, исторические. На избитые «кто виноват?» и «что делать?» Леонид Теракопян остроумно отвечает: «История-матушка, кто же ещё. Это она натворила, наворотила, напортатила. Уж так накуролесила, что без пол-литра не разберёшь, а с поллитром и подавно...» И тут же переходит на серьёзный тон: «Так и в истории. Документов навалом, а беспорядочный дефицит. Вместо чёткой ясности – сплошная незавершёнка, дрящаяся из века в век табуха хозяйствующих субъектов...» Чтение книги подобного рода, как правило, требует от читателя сосредоточенности. Литературовед, критик должен быть неординарной личностью. Леонид Теракопян обладал именно таким «двойным» глубинным зрением: помимо жизненно-опыта, серьёзных познаний в области национальных литератур, у него был свой, убедительный и острый взгляд, который помог ему связать в единое целое прошлое – настоящее – будущее, дать

полноценную взвешенную картину насущных литературных проблем; взгляд на литературу в целом, которая, как оказывается, есть. И русская. И национальная. Его последняя книга – не подведение итогов. Это, если хотите, жизненный опыт, «эхо встреч и бесед, отголоски событий, навеянные то поездками, то редакционной, журнальной повседневностью». Это и заинтересованный взгляд на прозу нового поколения, размышления о писателях Севера и Сибири, вдумчивый анализ произведений Юрия Рытхэу, Семёна Курилова, Владимира Санги, Дибаша Каинчина, Николая Доможакова, Григория Ходжера... Много добрых слов сказано и в адрес прибалтийских писателей.

Довольно точное название дал своей книге Л. Теракопян: «Между исповедью и проповедью». Тон повествования выбран предельно деликатно. Никакой назидательности – умудрённый жизненным опытом взгляд на очень непростую литературную ситуацию в странах СНГ и Балтии. И пусть, как признаётся в «постскрипту» автор, это лишь «малая толика увиденного, воспринятого, пережитого». Для всех, кто обеспокоен сегодня вопросами дружбы литератур, книга станет настоящим открытием, ответом на многие, казалось бы, неразрешённые вопросы, прочно связанные с живой жизнью, с настоящим и будущим.

Владимир КОРОБОВ,
поэт, член правления
Союза российских писателей

Жемчуг житейского моря

памяти поэта и переводчика Виктора Лапшина

Прошлой весной прощались... Но тихий голос его слышится над Галичским озером, над Балчугом, над городом и, может быть, по всей России там, где знающие поэта воспринимают откровения души и сердцем. Давно ли, кажется, Виктор Лапшин смело заявил о себе в столичных журналах исторической, а вернее мифологической глубины стихов, написанных в форме народных баллад? И одна за другой появились в московских издательствах книги нового поэта; проницательно представил его читающей публике критик Вадим Кожин, призывая «господ снять шляпы...»

21 апреля 2010 года в Галиче близкие и родные, коллеги, друзья, земляки провожали в последний путь большого русского поэта. Скоростная кончина его многих словно бы остановила на пути, заставив размышлять о трагических судьбах творческих работников...

Иногда поэзия открывает пространство, в котором мы не бывали ещё, или призывает туда, откуда мы родом, и возвращает забытое доброе самочувствие, ощущение естественной жизни. На сутелливых «переходах» общество питается «пиарными» продуктами, людям предлагают не останавливаться, не задумываться, отчаянно участвовать в конкурентной гонке, забывая о том, что суета разворовывает время и лучшие качества человека. И потому поэт несколькими строками, порой одной-единственной, констатирует: «Даже гениев мысли напрасны, Если гибель кругом, нищета...»

Он вспоминал пожелание Н.В. Гоголя: «А нужно любить Россию, прозреться по России». Однажды в качестве руководителя творческого семинара Виктор говорил о том, почему мы оказываемся призванными на глубинное звание Родины, – подчёркивая, что не ради сутелливых крикливости. В нас вложен инстинкт узнавания божественного предназначения – для очищения и укрепления души, для будущих вольных песен... «Прозреться» можно предначертанными путями с помощью молитвы или поэзии, если она от Бога, если она расширяет и собирает пространство, заставляет плакать и смеяться просветлённо. Вот так вдруг остановившись глянуть в дороге, задумавшись – и повторить в согласии с поэтом: «И не смысл нашей жизни неведом, А причина его глубины...»

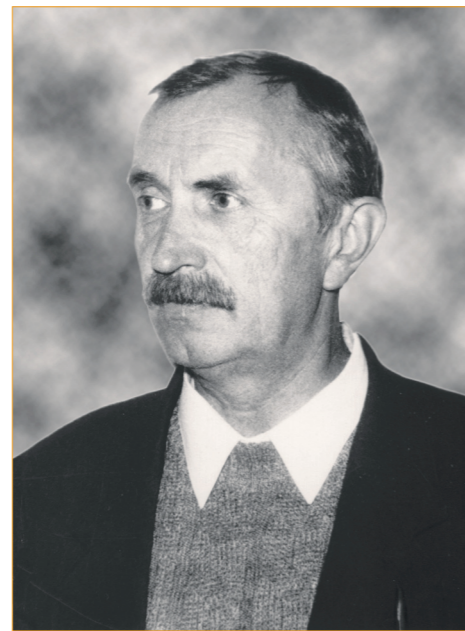
Иногда вслед за философией русского поэта Виктора Лапшина, знавшего, на какой глубине народной жизни «заветный жемчуг копится», невольно забредает в дебри дерзких изысканий и осознаешь неподготовленность души: «Жить не диво безрешным ангелом, А попробуй-ка человеком...» Грешному приходится в покаяниях считать потери не только свои собственные, но и других:

Слабо помнится, не предвидится,
Опорочено всё, что есть.
Ошельмована слава витязя,
И оратая втуне честь.

Тайным врагом не в угоду ли
Умолчане да извет?
Хитро предали, ловко продали –
И виновных как будто нет...

Привожу лишь штрихи сквозных направлений на много лет поэтического диалога Лапшина со всеми ради всех. Ему приходилось осмысливать не только географическое, провинциальное захолустье, но и своё собственное. Сначала

вопросительно: «Как с такою глухой дырою Ты послел долю связать?» А потом, прозревая, признаётся, что забыл, что «На этой земле неказистой просияли святые отцы». Ведь в провинции поэтам тоже нередко жестяными голосами кричали:

Как он смеет? Да кто он такой?
Почему не считается с нами?
— Это зависть скрежещет зубами,
— Это злоба и морок людской. —

Вот она, строфа великого поэта, о котором память Виктора Лапшина никогда не туманилась: собственную высоту полётного слова он уверенно набрал в филологическом и молитвенном сокровенном диалоге с Юрием Кузнецовым. Сразу же замеченный Юрием Поликарповичем, он был определён в ряд целоудренных поэтов: «после чтения многих его стихов в душе остаётся тонкий аромат обаяния» («Литературная учёба», 1983).

А в самом начале пути, по первым рукописям Лапшина в 1968 году Николай Рубцов говорил об ожидании от него законченных хороших стихов. Смелости неизвестному галичанину желал Виктор Боков. И мы, земляки, постепенно ощущали, как возрастал поэт сложными, с широким эпическим видением. И находили подтверждение сказанному Ю.П. Кузнецовым: «...его воображение клутился, его уместное строение глубоко и полно тончайшим смысловым оттенком. Человек, Родина, Природа – вот триединный объект его самых пристальных дум. Он способен выхватывать из глубины народной жизни такие человеческие типы, как «Красава», «Василиса». Его «Василиса» – новый русский миф большой духовной силы...»

Есть одна вечная тема, о которой в сутелливое время говорят редко... Поэт признаётся: «Ни на кого не обижуюсь, Хотя люблю ещё не всех». Хотя, на первый взгляд, стоит ли виноватиться, когда существует массовый интерес к тому, что рекламо развращает, что днём и ночью идёт сокрушительным девятим валом? Поэтому необходимо петь светлую любовь. И вспоминать выстрадающе другими. Поэтому Лапшину близко сказанное Николаем Рубцовым:

Так зачем же, прищурив ресницы,
У глухого болотного лня
Спелой клюквой, как добрую птицу,
Ты с ладони кормила меня?!

Возможно, Рубцов помогал Лапшину острее чувствовать величие духовных даров древнего Галича для России, для всех, кто способен воспринимать чудо русской поэзии – любовную лирику, которая, возможно, выручала Лапшина в минуты отчаяния или помогала ему найти собственный надёжный «мост» от «широких океанов... и чудовищных сфер непостижимой Вселенной» к естественному самочувствию и освещающему согласию души и сердца:

Тот день не погребли года,
Хоть розно жили мы и разны:
Жив миг покорного стыда
И крошечного соблазна.
Не всё заволкло быльё...

Но была особая неугасимая, возрастающая Заглавная Любовь на всю жизнь на этой земле в краю «долготерпенья». На этой своей земле находил он особый народный океан, дарующий жемчуг достойн. В сём заветном жемчуге поэта многие угадывают желание жить на земле чистым любящим человеком. Сегодня каждый изданный сборник Лапшина, от первого до последнего, может быть прочитан как исповедальный. И неужели мы, знающие тернистый путь его восхождения на поэтическую высоту, прощаясь с предками, «в глухое поле уйдём и не посмеем оглянуться на то окно, на ту звезду, к которой больше не вернуться?» (Это по заключительной строфе его давнего стихотворения «Прощание», 1975).

Горько повторяли мы перед гробом Лапшина: «Что имеем не храним...» Слабым вздрагивающими голосами читали стихи. В моей руке сама встрепенулась и раскрылась книга «Кольцо», составленная произведениями, написанными за двадцать лет (удалось осуществить это издание в 1994 году приложением к писательской газете «Литературная Кострома»). И почувилось: вспорхнула какая-то дивная птица, а вслед за ней над Балчугом, над озером полетели строки:

Я не спрошу, куда меня стремится
Судьбыны гнев на гибель своеволью:
Где жило сердце – ноет и щемит,
Но уж ни с кем не поделится болью.

Туда, туда в немую пустыню,
Туда, туда, в тлеющую рану,
Я всей землёю страждущей врату
И быть собой – блаженно перестану.

Поэт надеялся, что его услышат, поймут прежде всего на родине в древнем Галиче, предназначение которого осмысливал он и воспевал. Мы несколько раз обращались к местной администрации за помощью в издании подборки избранных произведений Лапшина. Но объёмная рукопись «под давлением особых обстоятельств» становилась всё тоньше... До сих пор удивляюсь, сравнявая реальность выходных данных сигнального экземпляра, подписанного мною в печать 15 марта 2000 года, с первоначальными надеждами. Со всей России знатоки присылали письма сочувствующие и возмущённые с цитатами от поэта...

«Кратенько» рассказывая о себе в предисловии к сборнику «Знаки судьбы», изданному в Галиче (2005), Лапшин написал: «Мне повезло: я родился в море народного говора, а не на его бесплодном берегу». Вспоминаю мнение профессора Ю.А. Александровского о том, что несомненно с творческой деятельностью (боязнь порывов, равнодушие к успеху, безразличие и умеренность, холодное беспристрастие), в преддверии юбилейного размышления о своей личной жизни поэт определил, что беда его и вины, сплетаясь воедино, не могли не сказаться на судьбе близких людей. «Великий литературовед и историк Вадим Кожин успокаивал:

если бы, дескать, у меня всё шло гладко, не было бы моей поэзии. Похоже на правду».

Не одно, так другое воспринят –
В зыбкой силе, в неверной красе...
Сердцу внятно, как мир океанит
И в слезе, и в бессмертной росе.

И, за тайной без тайны спеша,
Прозревающе, властно и сирю,
Торжествует, томится душа
Ницетой и величием Мира.

Костромские писатели, обращаясь с просьбами в административные инстанции, прикладывали копии возмущённых писем издалека от тех, кто знал поэзию Лапшина по журналам (книги в последние 20 лет выходили редко). Заинтересованную связь поддерживали переводы с карагачевского, балкарского, кумыкского, лезгинского, ингушского, абхазского языков (по подстрочникам). Эти письма были опубликованы в периодике. Нам они казались убедительной поддержкой в хлопотах об издании.

И что же?
Потребовалось шесть лет ожиданий. Готовую книгу пришлось ещё раз подписывать в печать 15 февраля 2006 года.

Виктор Лапшин сам оглядел свой сложный путь. «К себе как к состоявшемуся поэту я прямо-таки проридился. Лишь к 30 годам кое-что было написано мною стоящее. Что дремало многие годы, наконец-то проснулось». В 1982 году пришла счастливая весть. Он был принят в Союз писателей СССР. Под постоянным вниманием нескольких центральных изданий, в особенности журнала «Наш современник», оказался галичанин на «широком литературном поле». Отмечен был премиями имени Ф.И. Тютчева, В.В. Кожина от нескольких журналов и еженедельника «Литературная Россия», костромскими губернаторскими премиями и премией Центрального Федерального Округа. Всего вышло одиннадцать сборников: четыре московских, два ярославских, два костромских, три галичских...

Поэт ушёл, а книги остались – изданные и неизданные... Они, общезвестно, как и рукописи, бесследно не исчезают. И заповедное покаяние и признание приходят. Виктор Лапшин даром своего поэтического предвидения о многих печалых поведаль и уповал на крепость духа. «Среди молвы молчанье зреет И чуток зреет до поры...»

В любой его тоненькой книжке перед распахивающимися вселенскими тревогами сходят на нет читательские безмятежность и размеренность. Немногим дарована способность находить на дне житейского моря заветный жемчуг... Завершаю печальные заметки начальными строками стихотворения «Человек»:

Не склонюсь перед гневом и злобой,
На земле я отношусь не лишний,
Раз по образу и подобию
Сотворил меня Сам Всевишний.

Виктор завершил это стихотворение в 2004 году. И вновь повторю: «Жить не диво безрешным ангелом, А попробуй-ка человеком...» Он жил – человеком, постигающим тайны небесные и земные. «Может быть, Россия – это тайна, Но у тайны этой нету дна...» А в посвящении дочери Елене поэт сказал о неизбежном пределе.

Последний год Земли мы хмуру коротали,
Весельчаки, и те томилась и роптали,
И грех уныния умами овладел;
Вещали мудрые, но речь была невнятна;
Причина смуты им сужубо непонятна,
Тем более её таинственный предел.

Михаил БАЗАНКОВ,
г. Кострома

На 78-ом году жизни после тяжёлой болезни скончался известный узбекский поэт и переводчик

Ильмер Назаров

1933 – 2011

Это невосполнимая утрата для всех, кто знал и любил его стихи, переводы. Он ушёл, но с нами осталась его поэзия.

Ильмер Назаров родился в селении Бешарык Ферганской области Узбекистана 10 декабря 1933 года. В 1953 году окончил Бакинскую мореходную школу. Работал мотористом на судах заграничного флота. С 1958 года – студент филологического факультета САГУ в Ташкенте. После окончания университета был направлен на работу в Кокандский пединститут. Затем работал учителем в сельской школе.

Многие годы прожил он в доме неподалеку от Зелёного базара в городе Ташкенте, до глубокой ночи засиживался над книгами, читал, писал, оставив нам в наследство свои сборники стихов: «Голос первой любви», «Избранная лирика», «Афоризмы Алишера Навои». Творчество поэта хорошо знали не только в республике, с ним были знакомы читатели в России и странах СНГ.

Строгий и требовательный к себе, Ильмер Назаров славился своей прямоотой и непосредственностью. В творчестве не выбирал проторенных дорог, искал новое, необычное.

Многое он испытал в жизни, был интересным собеседником, встречи с ним запомнились надолго. Цельный и справедливый, Ильмер Назаров не изменял себе и своим принципам. Тонко чувствующий, он до конца был лириком в ощущении мира. Таким и останется поэт Ильмер Назаров в нашей памяти – в памяти коллег, друзей и единомышленников.

Иван Переверзин, Владимир Бояринов, Юрий Коноплянников, Григорий Резниченко, Шавкат Ниязи, Николай Красильников, Дамир Ядгаров, Раджаб Исламбеков, Анвар Хусанов, Фарид Мамаджанова, Валентин Осипов, Георгий Пряхин, Азат Примов, Дамир Рыскулов, Роза Фаткулина, Шухрат Хасанов

По просьбе члена СП России М. Л. Копыловой редакция «ОЛГ» приносит ей извинения за редактуру её стихотворений, опубликованных в № 5 (18)

**АРЕНДА
НЕЖИЛЫХ
ПОМЕЩЕНИЙ**
от собственника:

☑ для размещения
офиса, торговли,
склада

☑ бронирование конференц-зала для
проведения мероприятий

☑ всегда на выгодных условиях в
престижных районах Москвы

Метро «**БАРИКАДНАЯ**»

Метро «**БЕГОВАЯ**»

Метро «**АЭРОПОРТ**»

Метро «**КРОПОТКИНСКАЯ**»

8(499) 155-77-02

8(926) 249-86-02

8(926) 251-12-69

E-mail: litfondl@ya.ru

Internet: www.litfondbox.narod.ru

Адрес газеты
в Интернете
www.m-s-p-s.ru

© Все авторские права защищены
Газета Международного сообщества писательских союзов
«Общеписательская Литературная газета»
зарегистрирована Федеральной службой по надзору в
сфере связи и массовых коммуникаций
Свидетельство о регистрации
СМИ ПИ № ФС77-42840 от 26.11.2010

Учредитель и Издатель: «Международное
сообщество писательских союзов» («МСПС»)
Главный редактор – Юрий Коноплянников
Зам. главного редактора – Игорь Николенко
Редактор – Анна Трегубова
Адрес редакции: 123995, Москва, Поварская д. 52, к. 17
Телефон: (495) 691-6307. E-mail: litfondl6@yandex.ru

Отпечатано в ООО «Типография Михайлова»
Адрес: 214020, Смоленск, ул. Шевченко, д. 86
Объем 2 п. л. Тираж 8000 экз. Заказ № 2011-02476
Время подписания в печать:
по графику – 12.07.2011 в 10.00
фактически – 12.07.2011 в 10.00
Распространяется бесплатно

Рукописи не рецензируются и
не возвращаются. Точка зрения
авторов не обязательно со-
впадает с мнением редакции.
Авторы публикаций несут от-
ветственность за достоверность
предоставляемой информации